

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ О ПЕРВЕНСТВЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА

П. В. ЕРМИЛОВ

Настоящая статья открывает собой серию публикаций, посвященных проблеме лидерства в Православной Церкви. Расхождение позиций по данному вопросу между Русской и Константинопольской Церквями, проявляющее себя в достаточно острых дискуссиях, побуждает к переоценке существующих моделей, очевидно не позволяющих прийти к согласию, и одновременно поискам новых подходов. С этой целью автор обращается к истории формирования позиции о всеправославном лидерстве Константинопольского патриарха и ее богословского обоснования. По мнению автора, участники современных дискуссий уделяют недостаточное внимание истории вопроса, в то время как именно тщательное изучение хода «споров о первенстве» вскрывает причины нынешних противоречий и намечает пути выхода из кризиса. В статье показано, какие факторы оказали влияние на изменение церковной политики Константинопольского патриархата в 1920-е гг. Источники этого периода недвусмысленно свидетельствуют о зависимости Константинопольского патриархата от греческой национальной политики и о том, что многие его действия определялись вовсе не церковными мотивами. Разрабатывавшаяся в эти годы идея Константинополя как «центра мирового православия» была частью стратегии по сохранению патриархата на территории Турции. А теория о всеправославном лидерстве Вселенского патриарха использовалась для расширения собственной канонической территории в связи с фактической утратой средств для своего существования.

У любого заинтересованного человека нынешние дискуссии о первенстве в Церкви вызывают нескрываемое смущение, многократно усиливающееся в связи с назойливостью требования скорее разрешить этот вопрос в пользу «первенствующей» Церкви, без чего якобы невозможно дальнейшее благополучие мирового православия. Греческие иерархи не скупятся в выражениях в адрес Русской Церкви, которая, по их мнению, «саботирует» всеправославные инициативы¹ и своими действиями «изолирует себя от сообщества православных Церквей»², а наименее сдержанные представители Католической Церкви, также играющей особую роль в этом вопросе, настаивают на том, чтобы больше не ждать внутриправославного консенсуса и перейти к решительному форсированию проблемы

¹ Ο Γέρων Χαλκηδόνας κατά του Πατριαρχείου Μόσχας (<http://www.romfea.gr/oikoumeniko-patriarxeio/oikoumeniko-patriarxeio/20060-2013-11-02-08-12-11>).

² Έλληδόφορος, μητρ. Primus sine paribus: Άλάντησις εις τὸ περὶ πρωτείου κείμενον τοῦ Πατριαρχείου Μόσχας (<http://www.ec-patr.org/arxeio/elp2014-01-gr.pdf>).

первенства, остальные, мол, подтянутся позже³. Беспрецедентное давление, оказываемое на Русскую Церковь с начала патриаршества нынешнего Константинопольского предстоятеля, вызывает, с одной стороны, естественные защитные рефлексy, первым из которых является традиционное русское «пождание», а с другой — заставляет задуматься о том, не являются ли силовые действия последних двух десятилетий следствием того, что в позициях Русской Церкви обнаружилась брешь, которую и пытаются пробить.

Нужно признать, что одним из очевидных слабых мест до сих пор являлось фактическое отсутствие у Московской патриархии собственной внятной и непротиворечивой позиции по вопросу о лидерстве в Церкви, которую можно было бы противопоставить той модели, которая родилась в недрах Фанара в критические 1920-е гг. и затем активно продвигалась все последующие десятилетия. К счастью, недавние решения Архиерейских соборов Русской Православной Церкви 2008 и 2013 гг. и принятие документа «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви», как кажется, обозначили возвращение Русской Церкви в область интеллектуального осмысления проблемы лидерства в Церкви и вселяют надежду на то, что потенциал возрождающейся русской богословской науки сможет послужить преодолению возможно последнего в человеческой истории искушения «дымным надмением мира».

Проблема первенства в Православной Церкви в нынешней ее постановке — явление совершенно новое и весьма далекое от противостояния древних церковных центров в первом тысячелетии христианской истории, хотя и старательно маскирующееся под новую фазу старых споров. Отпадение Рима, исчезновение Византийской империи и появление новых могущественных православных держав радикально изменили условия существования мирового православия и задали иную систему координат. Невозможность для «восточных патриархов» претендовать на лидерство и, главное, обеспечивать его в период турецкого владычества, а также фактическое отсутствие пространства для конкуренции между отдельными Церквями привели к формированию специфического status quo во взаимоотношениях поместных православных Церквей, который соблюдался до начала XX в. Но практически одновременное крушение Российской и Османской империй, начавшиеся гонения на Русскую Православную Церковь, дошедшее до предела уменьшение канонической территории Константинопольского

---

³ «Несмотря на все изданные тексты с советованиями по поводу отсутствия консенсуса и все десятилетиями звучащие призывы о необходимости прийти к консенсусу, факт остается фактом: православие не стало ни на шаг ближе к консенсусу по вопросу о первенстве, чем было столетие назад. Более того, действия епископа Алфеева свидетельствуют о том, что шансы достичь такого консенсуса в какой-то ближайшей перспективе невелики. В этой связи нужно вежливо, но решительно спросить наших православных братьев, должны ли мы все ждать еще сто лет или еще больше, пока не будет заполнен этот печальный пробел в православной экклесиологии? Не уверен, что, положив руку на сердце, какой-нибудь участник экуменического диалога согласится на такое ожидание, особенно если существуют альтернативные способы двигаться дальше» (*DeVilleville A. Orthodoxy, Catholicism, and Primacy: A Plea for a New Common Approach // Ecumenical Trends. 2008. Vol. 37. 4. P. 6.*)

патриархата⁴ и колоссальный рост православной диаспоры привели к формированию совершенно новой ситуации, вызвавшей необходимость пересмотра сложившихся межцерковных отношений. Именно в это время тяжелейших испытаний, когда для многих Церквей стоял вопрос физического выживания во враждебной антихристианской среде, и возникает вновь в Православной Церкви тема «первенства», обращение к которой было обусловлено отнюдь не церковными мотивами.

Наблюдая за нынешним витком споров по этому вопросу, с сожалением замечает, как аргументация сторон нередко строится буквально с чистого листа, без учета истории вопроса и предшествующей литературы, в то время как именно в кропотливой реконструкции истории развития псевдобогословия первенства и кроется ключ к его опровержению. Можно с уверенностью сказать, что без знания истории споров о первенстве в XX в. невозможно ни адекватно их понять, ни дать им правильную оценку. Поэтому следующий далее сравнительно краткий исторический экскурс имеет своей целью напомнить об «оборотной стороне» нынешнего противостояния, которую принято дипломатически замалчивать.

В марте 1919 г. за два месяца до начала Греко-турецкой войны, Константинопольский патриархат официально разорвал отношения с Портой, что повлекло за собой фактический переход на нелегальное существование. 25 ноября 1921 г. в самый разгар войны, невзирая на активное противодействие греческого правительства, на патриарший престол был избран бывший митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис), пламенный националист и венизелит, непризнанный в качестве патриарха ни греческим правительством, ни, разумеется, турками. Избрание Мелетия было чисто политическим маневром: как писал участник тех событий митрополит Амасийский Герман, «движущей силой этого избрания были политические и экономические причины»⁵. Мелетий был призван возглавить патриархат в это тяжелейшее время и вывести его из кризиса, маневрируя между Анкарой и Афинами⁶. Но, вместо того чтобы занять подобающую Церкви нейтральную миротворческую позицию, патриархат, разорвав отношения как с турецким правительством, так и с Греческим королевством и сделав ставку на

⁴ Начиная с середины XIX в. масштабы влияния Константинопольской патриархии в мировом православии постепенно сокращались за счет выхода из юрисдикции Фанара новых национальных церковных образований. В 1850 г. Константинополь утвердил автокефалию Элладской Церкви, в 1879 — Сербской, в 1885 г. — Румынской. В 1870 г. свою независимость от Константинополя объявили болгары. В 1922 г. из юрисдикции Константинополя вышла Албанская Церковь. Также в 1898 г. Константинополь утратил многовековой контроль над Антиохийской патриархией из-за перехода церковного управления в руки анти-гречески настроенного арабского епископата.

⁵ Το αρχαίον του εθνομάκτου Σμύρνης Χρυσοστόμου / Α. Αλεξάνδρης, εκ. Αθήνα, 2000. Τ. 3. Σ. 188—189.

⁶ «Для Константинополя избрание патриарха служило своего рода *deus ex machina*, призванным вывести из тупика разворачивающуюся драму. Предполагалось, что избранный патриарх как духовный и политический лидер греков во Фракии и Македонии возьмет на себя инициативу и вступит в контакты с политическими деятелями стран Антанты» (*Nanakis A. Venizelos and Church-State Relations // Eleftherios Venizelos: The Trials of Statesmanship / P. Kitromilides, ed. Edinburgh, 2006. P. 364*).

поддержку третьих сил, попытался выстроить собственную политику, которая и привела его к закономерному краху...

Настроения, царившие в патриархии в то время, не были ни для кого секретом. Французский верховный комиссар в Стамбуле сообщал в Париж в июне 1921 г.:

Фанар, между тем, похоже, вовсе не склонен к тому, чтобы перестать лезть в политику, движимый к тому воспоминаниями о былых временах, когда он играл важную роль в турецких делах. Исконный хранитель «Великой идеи», он решительно поддержал политическую линию Венизелоса. По мысли Фанара, благодаря греческой оккупации Смирны и Фракии чаяния всего эллинского мира в самом скором времени наконец осуществляются, а Севрский мирный договор открыл грекам путь к преемству с Византийской империей⁷.

О том же писал, иронизируя, и М. Д'Эрбиньи:

Греки Фанара живут лишь одной мечтой: восстановить свой патриархат в качестве духовного главы эллиназма. Крушение русских и симпатии англичан наконец обеспечили им успех после ожидания, не ослабшего даже за пять прошедших столетий. Императорский трон, который они отдадут тому, кого изберет Венизелос, станет согласно исконному византийскому чаянию, единственным в мире императорским престолом, так как все остальные — соперничающие и мятежные — только что пали. Венизелос пообещал им в виде компенсации религиозное господство в этой империи. «Вселенский патриарх» благословит из Святой Софии весь Восток, греческий и славянский. Оттуда он благословит даже Запад...⁸

Увы, в августе 1922 г. греческая армия была разбита, и патриархат во главе с непризнанным патриархом остался с турками фактически один на один⁹.

Избранный в 1921 г. без согласия турецкого правительства патриарх Мелетий, к тому же греческий подданный, повел яростную политику против Турции, проповедуя в церквях необходимость борьбы с турецкой армией, которая в то время сражалась с греками. Ясно, что не только турки, но и лояльные православные уроженцы Турции негодовали на патриарха-политикана, вполне сознавая громадную опасность для всего православного населения в случае победы турок. Так оно и случилось. Турки победили, и был момент, когда всему греческому населению Малой Азии грозило поголовное истребление¹⁰.

⁷ Цит. по: Μαμάλογ Γ.—Σ. Το πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως στο επίκεντρο διεθνών ανακατατάξεων (1918—1972). Εξωτερική πολιτική και οικουμενικός προσανατολισμός. Διατριβή επί διδασκαλίας. Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2009. Σ. 13.

⁸ D'Herbigny M. Anglicans et «orthodoxes» // Études. 1921. Т. 168. Р. 424.

⁹ Греческое правительство признало Мелетия и восстановило отношения с патриархатом в октябре 1922 г., сразу после окончания войны.

¹⁰ Православная Церковь в Турции // Вера и жизнь. Харбин, 1925. № 4. С. 85.

В ситуации обостренных до предела национальных отношений после завершения войны турки в категорической форме потребовали выдворения со своей территории всех греческих организаций, занимавших в военное время антиправительственную позицию. В этот список попал и греческий патриархат¹¹. Требование было озвучено турецкой делегацией на Лозаннской мирной конференции, но вызвало решительные возражения со стороны представителей Греции и многих других стран. В тот краткий период, когда данный вопрос обсуждался на конференции, все мировое сообщество внимательно следило за развитием событий, а в греческой среде возникали пораженческие настроения¹². Но благодаря заступничеству международного сообщества Константинопольская Церковь смогла тогда устоять, правда путем серьезного компромисса: патриархат лишился всех административных привилегий, Мелетий должен был отречься от патриаршества и покинуть Турцию, а возглавлять патриархат мог отныне только турецкий подданный. Главным же результатом стало то, что деятельность патриархии попала под строжайшие ограничения со стороны турецкого режима, который еще долгие годы после того продолжал вести последовательную работу по изоляции и вытеснению греческой Церкви со своей территории.

Во всяком случае, в 1923 г. Константинопольский патриарх восстановил свои отношения с турецким правительством, но получил признание исключительно в качестве главы православной общины на территории Турции. Такая позиция по отношению к греческому патриарху была очевидно несправедливой: попытки ограничить его деятельность только пределами Турецкой республики противоречили здравому смыслу, поскольку патриархат имел в своей прямой юрисдикции епархии на территории северной Греции и на Крите. Но главным образом подобный статус не соответствовал тому значению, которое отводило Константинопольскому патриарху греческое национальное сознание, согласно которому патриарх считался «духовным главой» рассеянного по всему миру гре-

¹¹ В декабре 1922 г. французский корреспондент в Стамбуле напоминал о причинах жесткого отношения турок к греческой патриархии: «Мелетий IV с бешеной неудержимостью посвятил всего себя политической активности. Можно было наблюдать, как сидя в автомобиле, украшенном византийским гербом — черным двуглавым орлом на золотом фоне, он объезжал одну церковь за другой; не без красноречия он восхвалял подвиги греческой армии, объявлял сборы пожертвований для героев фронта, изобличал преступления турок и даже позицию Франции! В свою очередь его окружение, срывая маску, поддерживало крестовый поход. Так, например, посреди турецкой территории Фанар открыто молился о победе Папуласа и Хаджианести и тем самым вступил в открытую борьбу против османского суверенитета» (*Le Patriarcat Œcuménique // Le Temps*. 31 décembre 1922. P. 2).

¹² «Древние пророчества о том, что бедствия обрушатся на Константинополь, если он перестанет быть кафедрой Вселенского патриарха, вновь являются пред всем восточным православным христианским миром, который теряет надежду на то, что Анкара отзовет свое требование об удалении греческого патриарха и упразднении его кафедры... Древний деревянный дворец на Фанаре, который столетиями был восточным Ватиканом, прекратит быть таковым, и Константинополь не будет больше столицей восточного православия... Мелетий IV... оказывается предопределенным в качестве последнего главы Церкви из великой чреды патриархов, могущество которых берет начало во временах Константина Великого и которые рассматривали себя представителями византийских императоров» (*Εθνικός κήρυξ*. 18.12.1922. Σ. 1).

ческого народа — «этнархом». Разумеется, сохранение своего древнего духовного центра стало для греков делом национального значения¹³.

Следует отметить, что в те годы неоднократно возникал проект переноса патриархата «в изгнание», например в Салоники или на Афон¹⁴, и даже синод Константинопольской Церкви заявлял о готовности пойти на такой шаг, но в определенный момент эти идеи были решительно пресечены Венизелосом как противоречащие интересам Церкви и нации¹⁵. Еще на Лозаннской мирной конференции Венизелос заявил, что удаление патриархата из Константинополя «невозможно с канонической точки зрения»: «патриарх является в первую очередь архиепископом Константинополя — Нового Рима, который благодаря своему статусу в IV—V веках был возведен в достоинство Вселенского патриархата решением всех христианских Церквей, включая и Римскую. Никто в мире не может развести два этих атрибута»¹⁶. Уяснив позицию правительства, греки стали повсеместно подчеркивать именно *невозможность* перенесения патриархата из Стамбула. Такое утверждение явно спекулировало на католической идее о связи папского престола с «кафедрой Петра», поэтому параллели, которые в то время проводились между Константинополем и Римом, были отнюдь неслучайными¹⁷. В 1925 г., в разгар кризиса, вызванного изгнанием патриарха Константина VI, греческий представитель Эксиндарис вновь настаивал на том, что «вопрос о перемещении Вселенского патриархата находится вне компетенции религиозных лидеров Фанара, поскольку его пребывание здесь является неизбежным с точки зрения канонического права»¹⁸. Но и представители Церкви не гнушались подобными заявлениями, делая вид, что они не содержат в себе никаких противоречий. Например, преемник изгнанного Константина VI патриарх Василий III высказывал сомнения в том, что «даже авторитет священного синода позволил бы поставить вопрос о переносе кафедры». Более того, патриарх не считал, что «прецедент 1204 года, когда в период латинского господства в Константинополе патриархат был выведен в Никею, имеет отношение к настоящей ситуации»¹⁹.

¹³ Как писал в 1925 г. один известный греческий публицист, «сдача патриархата в руки турок станет большей национальной катастрофой, нежели даже резня в Малой Азии» (Ελεῦθερον βήμα. 31.01.1925).

¹⁴ См., например: Εθνικός κήρυξ. 20.12.1922. Σ. 4.

¹⁵ См.: Psomiades H. The Ecumenical Patriarchate Under the Turkish Republic: The First Ten Years // Balkan Studies. 1961. Vol. 2. 1. P. 57 (со ссылкой: Times. 13.10.1923).

¹⁶ Lausanne Conference on Near Eastern Affairs (1922—1923). Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. L., 1923. P. 324. О том же говорилось и в заявлении греческой делегации на конференции: «Патриархат не может быть перенесен в другое место, только новый [Вселенский] собор может принять решение о сохранении его пребывания или переносе» (Ibid. P. 334).

¹⁷ См., например: «Греческая настойчивость на сохранении за патриархом гражданских привилегий, которые едва ли получится отстоять, как кажется, рискует подорвать успех более чем оправданного требования позволить Вселенскому патриархату остаться в Константинополе, городе, отделение патриархата от которого столь же сложно себе представить, как и изгнание Папы из Рима» (The Patriarchate at Constantinople // Manchester Guardian. 3 January 1923. P. 6).

¹⁸ The Ecumenical Patriarch. Indignation Among the Greeks // Times. 2 February 1925. P. 12.

¹⁹ Metaxakis Elected Greek Patriarch // New York Times. 13 June 1926. P. 2.

Таким образом, отказ от переноса кафедры обрекал Константинопольского патриарха на «добровольное мученичество» во имя своего народа.

Спустя несколько дней после уступки турок в вопросе сохранения греческого патриархата на своей территории известный британский историк А. Тойнби поделился своими соображениями о прошлом и будущем Константинопольской патриархии:

Когда в 1453 году место Восточной Римской империи в Константинополе заняла империя Османская, патриархат был сохранен Мехмедом Завоевателем и его преемниками в качестве одного из государственных департаментов, и вместе с тем приобрел крупные властные полномочия в двух направлениях. Во-первых, османское правительство наделило патриархат новыми светскими функциями (преимущественно судебного порядка) в отношении своей паствы, которые предыдущее правительство Восточной Римской империи отводило другим министерствам. А во-вторых, сама эта паства была увеличена за счет включения всего православного населения, находящегося под османским владычеством. Этот период был зенитом Константинопольского патриархата, а его кульминация пришлась на XVIII столетие, когда автокефальные Сербская и Болгарская Церкви Печа и Охриды были наконец подавлены османским правительством по просьбе «Фанара». Патриархат теперь сознательно служил инструментом греческого национализма и использовал свой патронаж для того, чтобы ставить греческих клириков во главе славянских, албанских, турецких и арабо-язычных православных общин и чтобы пропагандировать греческую культуру и язык. Однако именно этот национализм, вдохновленный на этот раз западными политическими идеями, и привел патриархат к крушению... Вселенский патриархат провалился между двумя стульями. Он стал изгоем для своего владыки и работодателя — османского правительства, по причине неотвратимых симпатий по меньшей мере к одному из государств-преемников Османской империи — Греческому королевству. С другой стороны, его власть не может быть принята Грецией или какой-либо иной из стран-преемниц, поскольку патриархат остается инструментом Порты, пусть и дискредитированным и не очень покорным. Его паства сократилась пропорционально тому, как одна за другой православные народности высвобождались от османского владычества. Территориальные изменения, вызванные балканскими войнами, переселение греков из Анатолии... свели его паству к грекоговорящим православным турецким гражданам, проживающим в Константинополе, и нет никакой уверенности, что даже они удержатся в Турции в нынешней ситуации. В то же время процесс реформирования Турецкого государства в соответствии с западной моделью, продолжающийся со времени правления Махмуда II, последовательно лишает патриархат тех светских функций, которыми он был наделен Мехмедом Завоевателем. Теперь, когда прежняя Османская империя полностью распалась, и ее территория перераспределена между независимыми национальными государствами, для патриархата остается столь же мало места, как и для халифата, и если он и продолжит

свое существование, то оно будет, как и у халифата, бессильным и едва заметным, лишь немного или вовсе никак не отвечающим его былой исторической роли²⁰.

Предвидя подобные перспективы, еще в самом начале войны Фанар стал осуществлять масштабную стратегию по расширению своей международной деятельности. Целью программы была, с одной стороны, нейтрализация турецкой угрозы за счет «интернационализации проблемы патриархата»²¹ и подчеркивания своей особой роли, несводимой к деятельности локальной религиозной общины, а с другой — выстраивание новой модели функционирования патриархата, фактически утратившего паству и, соответственно, средства к существованию на большей части своей канонической территории и нуждавшегося в новых территориях «за пределами Турции»²². Именно в этом контексте нужно понимать открытие новых епархий в Европе, Америке и Австралии, перевод зарубежных греческих приходов в свою юрисдикцию (путем отмены Синодального Томоса 1908 г.), фактический захват чужих епархий и другие действия.

Для незащищенного патриархата особенно важно было заручиться покровительством со стороны иностранных государств, поддержка которых могла бы повлиять на отношение к нему со стороны турецкого правительства, и главные надежды возлагались здесь, естественно, на Англию. Связи патриархата с британской политической и церковной элитой хорошо известны, и ни для кого не секрет, что именно политические мотивы были двигателем сближения Фанара и Лондона в послевоенный период. Как пишет Б. Джефферт, упоминая имя Кентерберийского архиепископа того времени: «Дэвидсон и его советники хорошо сознавали, что новый интерес Константинополя к Англиканской Церкви происходил из потребности в союзниках во время послевоенного противостояния и переговоров с Турцией...»²³ Также и англиканский епископ Египта Л. Гвинн писал в одном из своих писем в 1922 г.: «Греческие миряне разного положения в обществе подстегивают своих церковных представителей вступать в контакт с Церковью Англии», будучи убежденными, что Церковь «имеет большую силу и влияние в отношении британского правительства». В другом письме он повторял эту идею: «Думаю, что не будет заблуждением сказать, что одним из ключевых факторов, который оказывает влияние на действия представителей Восточных Церквей, является их уверенность в том, что наша Церковь обладает большой

²⁰ *Toynbee A. J.* The Ecumenical Patriarchate: An Historical Sketch // *Manchester Guardian*. 13 January 1923. P. 10.

²¹ См. об этом подробно: *Alexandris A.* The Expulsion of Constantine VI: The Ecumenical Patriarchate and Greek-Turkish Relations, 1924–1925 // *Balkan Studies*. 1981. Vol. 22. 2. P. 333–363.

²² В те годы об этом открыто писали в газетах: «Ввиду грядущего в Турции отделения православной Церкви от государства и последующей отмены различных его функций в бывшей административной системе Османской империи Фанар готовится усилить статус и влияние Вселенского патриархата за пределами Турции» (*Orthodox Church in Turkey. Patriarch's Policy* // *Times*. 8 February 1923. P. 9).

²³ *Geffert B.* Anglican Orders and Orthodox Politics // *Journal of Ecclesiastical History*. 2006. Vol. 57. 2. P. 273.

политической силой»²⁴. Но одной поддержки Англии было недостаточно. Фанар в эти годы не брезговал выстраивать отношения и с откровенно безбожным большевистским правительством в России...

Важно также понимать, что патриархат оказался в двусмысленной ситуации: с одной стороны, он долгие годы позиционировался как духовный и даже национальный центр эллинизма²⁵ и собственно действовал в этом ключе, а с другой — ему нужно было как-то отводить от себя турецкие обвинения в том, что он остался проводником греческих националистических идей и «агентом» греческого правительства. В этой связи Фанар начал развивать теорию о своем наднациональном, подлинно «вселенском» характере, которая нередко потом находила выражение в не совсем правдоподобных формулах вроде: «Константинопольский патриархат, как верховный глава всего восточного христианства, всегда отстаивал линию дистанцирования от всякой национальной и местной политики...»²⁶

Вскоре после своего избрания на патриаршество Мелетий стал открыто говорить о своем особом статусе в Православной Церкви: «Я не должен забывать, что являюсь не только лидером (ἀρχηγός) османских греков-христиан, но и 150 млн православных христиан по всему миру...»²⁷

На интронизации Мелетия митрополит Селевкийский Герман в своем слове назвал Константинопольский престол «первенствующим в отношении остальных Церквей» (προκαθήμενον τῶν ἄλλων ἐκκλησιῶν), «центром всего православия» и «всеобщим голосом Церкви», а Константинопольского патриарха — «предстоятелем предстоятелей всех православных Церквей». Константинопольский патриархат, по словам митрополита, есть «Мать-Церковь, центр, в котором сходятся и от которого берут начало все поместные православные Церкви, составляющие единое тело»²⁸.

Сам Мелетий в своей программной интронизационной речи заявил:

Как пастыри первопрестольной Церкви, мы имеем великие обязанности и по отношению ко всей православной полноте. Более чем трехлетнее вдовство первенствующей кафедры всей Православной Церкви представляет собой аномалию, оказывающую вредное воздействие на все церковное тело... Всем известно, как много сложных вопросов и проблем, частных и общих, ждут своего разрешения либо в виде прямого постановления центра православия, либо найденного по его инициативе. К проблемам, существовавшим ранее, война и последовавшее в ее результате изменение политической карты Европы и Азии прибавили новые проблемы, решение части

²⁴ Mews S. Anglican Intervention in the Election of an Orthodox Patriarch, 1925–1926 // The Orthodox Churches and the West / D. Baker, ed. Oxford, 1976. P. 297.

²⁵ Вселенский патриархат «считается греками, как правило, не только религиозным, но и по большей части национальным центром эллинизма» (Manchester Guardian. 1 January 1921. P. 9).

²⁶ The Depositions in Albania: Archbishop Alexander Explains the Action of the Œcumenical Patriarchate // New York Times. 28 April 1929. P. 57.

²⁷ Εθνικός κήρυξ. 23.10.1922. Σ. 2.

²⁸ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. Σ. 42–43.

которых давно уже должно было состояться ради пользы православия и в не меньшей степени ради престижа Вселенского патриархата...²⁹

Дальнейшая история разрешения накопившихся проблем «ради пользы православия» хотя и хорошо известна, до сих пор не получила надлежащей оценки: это борьба за диаспору, вторжения во внутренние дела других автокефальных Церквей, самочинное признание англиканской иерархии, введение нового стиля и иные скороспелые «всеправославные» инициативы.

Сопровождавшая действия фанариотов псевдобогословская риторика с избытком представлена в источниках того времени. Если обратиться, например, к протоколам заседаний Лозаннской мирной конференции, в той части, где обсуждался вопрос о судьбе Константинопольского патриархата, то обращает на себя внимание легкость, с которой политики оперировали экклезиологическими категориями. Константинопольский патриарх именуется здесь повсеместно «примасом» (primate) и «главой» Православной Церкви. Например, в заявлении греческой делегации говорилось: «Вселенский патриарх является примасом всех православных христианских Церквей. В этом качестве он сносится с главами автокефальных православных Церквей по всем вопросам, относящимся к области веры, христианской нравственности и церковного права. В этих вопросах мнения и авторитет Вселенского патриарха имеют преимущественное значение»³⁰. И хотя, по словам представителя греческой делегации, в церковных вопросах «решения политической конференции не могут иметь никакого юридического значения»³¹, Константинополь до сих пор по инерции ссылается на протоколы Лозаннской конференции как на официальный документ, закрепивший за ним на международном уровне статус «центра мирового православия».

Разумеется, не только политики в эти критические моменты «приукрашивали» положение Константинопольского патриарха в Православной Церкви. Из числа поступивших на имя президента Лозаннской мирной конференции протестов против возможного выдворения патриархата из Константинополя особенно выделялось послание митрополита Антония (Храповицкого), в котором, в частности, говорилось:

[Константинопольская кафедра] по учению Христовой Церкви, изложенному в постановлениях семи Вселенских Соборов, признаваемых как всеми православными христианами, так и римско-католиками, не является только одною из церковных провинций, но мыслится как неизменный элемент полноты Православной Церкви, как инстанция, связанная не только со своим диоцезом, но и со всею Православною Церковью по вселенной, почему и именуется с V века кафедрой Вселенского Патриарха. Наименование это ей присвоено потому, что задолго до разделения Востока с Римом Константинопольский Патриарх как епископ Нового Рима признан Вселенским Собором, равным по чести и власти с Епископом Ветхого Рима (II, 3, IV, 28 и VI, 36), и, что особенно важно, ему одному усвоено право принимать

²⁹ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. Σ. 29.

³⁰ Lausanne Conference... P. 335.

³¹ Ibid. P. 334.

апелляции от епископов, недовольных решением о них поместных соборов (IV, 17). В этом последнем смысле Константинопольский Патриарх для православных христиан всех стран является верховным судьей, а упразднение или унижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви и, в частности, Церкви Российской, которая издревле привыкла обращаться к Вселенскому Патриарху за разъяснением религиозно-церковных вопросов... Неужели Европа не заступится за наш и всех православных христиан наивысший персональный авторитет и не оградит мирового центра нашей религии, исповедуемой 200 миллионами христиан по всему миру? Этот центр неповрежденной Апостольской веры и благороднейшей, свыше двухтысячелетней эллинской культуры от жестокого насилия иноверцев?³²

Идею Константинопольского патриархата как «центра православия» активно продвигали и англичане, плохо разбиравшиеся в православной экклезологии³³ и руководившие по большей части своими ясными политическими расчетами. Весьма примечательна в этом смысле речь Лондонского епископа, произнесенная им 17 марта 1925 г. на собрании, посвященном тревожному положению Константинопольской Церкви³⁴. По словам епископа, «в настоящее время осуществляется решительная и систематическая работа по разрушению всех христианских организаций с тем, чтобы могло быть осуществлено дело большевистского атеизма». Поэтому «угасание второго по древности великого христианского института в мире... нанесет удар по восточному христианству, что с большой вероятностью может привести к его разобщению и проложить путь распространению большевистского атеизма». Константинополь выбран основной целью именно в силу своего «особого положения» как «первенствующей и центральной кафедры» Православной Церкви. По словам оратора, все многочисленное православное сообщество «сходится воедино в своей Матери патриаршей кафедре Константинополя и рассматривает Вселенский патриархат как свой центр».

Представьте, — продолжает епископ, — какое значение для англиканского сообщества будет иметь уничтожение архиепископства Кентербери, но даже тогда вы не вполне поймете, к чему приведет уничтожение Вселенского патриархата. Дело в том, что мы, англикане, все говорим на одном языке и принадлежим одной культуре, в то время как в Православной Церкви переплетено множество национальностей и культур, и хотя претензии патриарха ни в коей мере не могут быть уравнены с папскими притязаниями, тем не менее результат будет еще как сопоставимым с последствиями, которые произвело бы для Римско-Католической Церкви уничтожение папства³⁵.

³² Церковные ведомости. 1923. № 1 и 2 (январь). С. 1–2.

³³ См., например, заявление о том, что «в Катехизисах всех [православных Церквей] базовым принципом церковного устройства является первенство, отводимое кафедре св. Златоуста» (*Douglas J. A. The Œcumenical Patriarchate // Christian East. 1923. Vol. 4. 4. P. 190*).

³⁴ *The Present Danger to the Œcumenical Patriarchate // Christian East. 1925. Vol. 6. 2. P. 78–83.*

³⁵ *Ibid.* P. 80.

Не только политики, убежденные грекофилы, вроде митрополита Антония, и инославные «друзья» становились выразителями идеи «примата» Константинополя, особенно в этом преуспевали журналисты. Мировые газеты тех лет пестрят голословными заявлениями об особом статусе Константинопольской Церкви:

Положение Мелетия в древней Церкви Востока походит на то, что имеет Папа в Римской Католической Церкви. Бенедикт XV имеет в духовном подчинении 250 000 000 человек, а Мелетий — почти 200 000 000, из которых 125 000 000 находятся только в одной России³⁶.

Выбранная тактика и, главное, ее пропагандистское обеспечение себя полностью оправдали. Мустафа Кемаль еще в 1924 г. жаловался иностранному корреспонденту на то, что в ответ на любые попытки вмешательства во внутренние дела патриархата греки сразу же прибегали к протекции иностранных государств³⁷, а в 1925 г. в разгар кризиса, вызванного выдворением из Турции патриарха Константина VI, турки с огромным трудом смогли отстоять право самостоятельно урегулировать вспыхнувший конфликт. Турецкие политики пытались, как могли, бороться с греческим богословствованием, но их, разумеется, никто не собирался слушать. Например, Ахмет Рустем-бей писал по случаю изгнания патриарха из Турции:

Но, по сути дела, неужели и впрямь удаление патриархата из Константинополя произведет замешательство в христианском мире, такое и в таком масштабе, как это преподносится, например архиепископом Кентерберийским, который, выступая в Палате лордов с сообщением по случаю изгнания Константина, заявил: «Вселенский патриархат является одним из самых почтенных институтов, авторитет и влияние которого выходит далеко за пределы Константинополя и непрерывность существования которого является чрезвычайно важным для всего христианского мира»... Патриархат в самом деле почтенный институт. В остальном же утверждения архиепископа являются не вполне точными. Вселенские претензии патриархата оспариваются всеми православными сообществами за исключением греков. Румынские, сербские, болгарские и русские сообщества (последнее из которых является наиболее важным) в разное время провозгласили свою независимость от Фанара. В случае трех первых из названных сообществ это было восстание против административной и вместе с тем духовной юрисдикции патриархата и, по существу, было отмечено чувствами глубокой враждебности по отношению к политике эллинизации, проводившейся патриархатом. В действительности «вселенский» патриархат давным-давно прекратил свое существование. Не может быть и речи о его преемственности как таковой. Его удаление из Константинополя, которое ни в коей мере не означает подавления его как греческого религиозного института, является исключительно установлением пределов его законной роли. Греческое сообщество может и,

---

³⁶ Metaxakis Elected Greek Patriarch // New York Times. 10 December 1921. P. 4.

³⁷ См.: Oriente moderno. 1924. Anno 4. Nr. 6. P. 387.

без сомнения, будет сетовать о такой перемене, но никак не весь остальной православный мир... Удаление патриархата из Константинополя будет на руку католическим кругам, поскольку приведет к снижению его статуса... И только англо-саксонские (британские и американские) протестанты выразили озабоченность в связи с географическим будущим патриархата. Но на самом деле подобная озабоченность в англиканском мире происходит больше из политических, нежели религиозных соображений³⁸.

Но не только турки высказывали сомнения в подлинности фанариотской риторики. В 1924 г. в официальном журнале Александрийской патриархии «Пантенос» вышла статья митрополита Леонтопольского Христофора «Положение Вселенского патриархата в Православной Церкви»³⁹, автор которой вскрывал подлинные мотивы агрессивных действий Константинопольского патриархата:

В первую очередь заслуживает внимания то, что... стремления, охватившие Вселенский патриархат, обнаружились ровно тогда, когда Вселенский патриархат... из-за войны Греции против Турции в Малой Азии полностью лишился единственно отведенных Константинопольскому патриархату канонами Вселенских соборов церковных областей «Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов», и пастыри в них остались без паствы. Чтобы обеспечить паствой утративших ее пастырей, с одной стороны, различные крупные церковные области, из тех, что еще остались, как, например, епархии Халкидона, Деркоса, Родоса, Хиоса, а также некоторые из епархий Македонии и Эпира, были поделены надвое или натрое, а с другой стороны, понадобились и новые епархии, куда они могли бы быть назначены. Такими новыми епархиями Константинопольского патриархата стали архиепископия Западной и Центральной Европы... архиепископия Америки... архиепископия Австралии и Океании... Но, помимо необходимости пристроить своих оказавшихся не у дел пастырей, Вселенский патриархат... обнаруживал в последние годы честолюбие, захватнические стремления и тенденцию к господству в Церкви, совершенно чуждые демократическому и федеративному духу управления Православной Восточной Церкви и выдающие желание установить в Церкви некое подобие папского примата...⁴⁰

Задавшись вопросом, что же могло побудить Константинопольский патриархат к осуществлению новой церковной политики, автор выделяет три таких причины: 1) «бестактное и открытое вмешательство Вселенского патриархата в политику в роли представителя греческого ирредентизма во время последней европейской войны и в особенности после заключения мира»; 2) «предел, до которого уменьшился Вселенский патриархат, ...и утрата крупных церковных об-

³⁸ *Rustem Bey A.* The Future of the Ecumenical Patriarchate // Foreign Affairs. 1925. Vol. 3. P. 609–610.

³⁹ *Χριστοφόρου, μητρ.* Ἡ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ θέσις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάνταυος. 1924. Τ. ΙΣΤ΄. Ἀριθ. 39 (27 Σεπτ.); Ἀριθ. 40 (4 Ὀκτ.); Ἀριθ. 41 (11 Ὀκτ.).

⁴⁰ *Ibid.* Ἀριθ. 39. Σ. 640.

ластей в Малой Азии, Понте и Фракии»; 3) «упразднение [светских] привилегий Вселенского патриархата»⁴¹.

Кроме того, в последнее время патриархат обеднел. Лишившись всех доходов, которые он получал из разных источников, из-за войны, из-за обнищания паствы архиепископии [Константинополя] и из-за потери всех своих епархий он не находит возможности содержать ни самого себя, ни различные образовательные и благотворительные учреждения, находящиеся в его ведении, которые он будет вынужден закрывать одно за другим. Для обеспечения своего содержания и покрытия расходов, как своих собственных, так и своих епископов, он был вынужден обратиться к греческому правительству. Именно оно предоставляет сейчас все необходимое для его содержания и представительских расходов, но в обмен на эту поддержку оно подчинило себе патриархат, который не делает ничего такого, что сперва не было бы рассмотрено и не получило бы одобрения со стороны руководителя церковного отдела в министерстве иностранных дел⁴².

Вывод, к которому приходит автор, суров:

Все мы, а вместе с нами и турки понимаем, что патриархат, в особенности при Мелетии, совершенно позабыл о своей церковной миссии и обязанностях и занимался политикой и только политикой⁴³.

Закономерным итогом такой деятельности стало то, что патриархат «ничем не отличается сегодня от обычной приходской церкви Константинополя»⁴⁴.

12 июля 1923 г., за несколько дней до отъезда патриарха Мелетия из Константинополя, Смешанный совет патриархии сделал заявление о принципах, на которых будут строиться отношения Церкви и турецкого правительства, где, в частности, говорилось: «Вселенский патриархат, снимая с себя политические и административные функции, остается исключительно духовным учреждением всеправославного характера»⁴⁵. Такое же утверждение было сделано и на страницах официального издания патриархии: «Вселенский патриархат, лишаясь в остальном своей политической власти, сохраняет свободу в сфере своей духовной компетенции и в особенности свой всеправославный характер»⁴⁶. Эти программные заявления означали то, что перед лицом турецких властей патриархат собирался дальше отстаивать не просто свое право на управление епархиями на территории иностранных государств, но именно особый статус, якобы не позволяющий уравнивать патриархат с другими местными общинами на территории Турции. Разумеется, для подтверждения такого статуса были необходимы конкретные общеправославные инициативы, которые патриархат

⁴¹ К сожалению, у меня не оказалось под рукой греческого текста этой части статьи, поэтому дальнейшие цитаты приводятся по французскому переводу: *Le Patriarchat œcuménique vu d'Égypte // Échos d'Orient*. 1925. Т. 24. Р. 40–55, здесь: Р. 49.

⁴² *Le Patriarchat œcuménique...* Р. 53.

⁴³ *Ibid.* Р. 52.

⁴⁴ *Ibid.* Р. 53.

⁴⁵ Πάνταινος. 1923. Σ. 482.

⁴⁶ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. Σ. 251.

пытался безуспешно реализовывать все последующие годы, а также свидетельство других поместных Церквей, которые не спешили с признанием подобных притязаний и, напротив, периодически заявляли о своем несогласии с принятием Константинопольской патриархией на себя каких-то особенных функций в мировом православии. Все же, несмотря на ту законную и справедливую критику, которую вызвали фанариотские идеи о вселенском лидерстве, осуществление подобной политики продолжилось и далее. Но ни поддержка иностранных государств, ни учреждение новых епархий в диаспоре, ни претензии на статус «Матери-Церкви», будто бы вытекающий из «канонических установлений и многовековой церковной практики», не смогли обратить вспять процесс постепенного угасания Константинопольского патриархата и избавить его от постоянной турецкой угрозы.

В 1925 г. Р. Жанен следующим образом описывал ситуацию, в которой оказался патриархат, несмотря на все предпринятые попытки выправить свое положение:

Утратив поддержку со стороны гражданской власти, будь то мусульманской или христианской, лишившись большей части своих территорий и верующих, Вселенский патриархат наблюдает вдобавок и оспаривание своего авторитета со стороны трех «восточных» патриархатов. Доведенный до крайне шаткого положения непрерывно возникающими трудностями со стороны турецких властей, патриархат, похоже, идет к своей гибели. Такой конец можно еще немного замедлить, но, как кажется, избежать его уже не удастся, если не произойдут резкие перемены политического характера, предугадать которые никто на сегодняшний момент не в силах⁴⁷.

Практически ничего не изменилось и десятилетие спустя:

В греческом мире Константинопольский патриархат пережил подлинную катастрофу. Он лишился всех верующих, которых имел в Турции за пределами Константинополя и его окрестностей; да и те, кто остались в этом регионе, существенно уменьшились в своем числе... Константинопольский патриархат, хотя и постоянно именуется «Великой Христовой Церковью», является сейчас одним из самых мелких православных образований. Без сомнения, он все еще сохраняет за собой определенный престиж, но в действительности власть, которую он желал бы иметь за весьма ограниченными пределами своей собственной территории, сплошь и рядом оспаривается⁴⁸... Понятно раздражение, которое испытывают... балканские Церкви, наблюдающие, как глава крошечной группы сохраняет за собой первенство, которое не подтверждается, похоже, ничем, кроме традиции; первенство, которое, кроме того, является исключительным достоянием одной-единственной нации⁴⁹.

⁴⁷ *Janin R.* La destinée du patriarcat oecuménique // *Échos d'Orient*. 1925. Т. 24. N. 138. P. 211.

⁴⁸ *Lacombe J.* La récente evolution des Églises orthodoxes (1914–1934) // *Échos d'Orient*. 1935. Т. 34. P. 80.

⁴⁹ *Ibid.* P. 171.

Примечательно вспомнить и суждение известного знатока греческих дел В. Миллера:

Историческая непрерывность и стремление сохранить патриархат как ядро эллинизма, пусть даже в рамках значительно сократившейся греческой колонии Константинополя, удерживают патриаршее присутствие на Фанаре, но сам он теперь представляет собой скорее *magni nominis umbra* [тень великого имени]⁵⁰.

1920-е гг. были трагическим периодом в истории Константинопольского патриархата. Нельзя забывать или приуменьшать те скорби, которые пришлось пережить греческому населению Турции вместе с его пастырями. Образ патриархов-исповедников, страдающих вместе со своим народом и претерпевающих гонения от турок, не оставлял равнодушным братские Православные Церкви и международное сообщество и вызывал естественное сочувствие и поддержку. Но, к сожалению, многие действия константинопольских первоиерархов не вполне соответствовали образу смиренных исповедников. Увы, в эти годы очень многие разочаровались в искренности и благонадежности Вселенских патриархов, а авторитету патриархата был нанесен колоссальный урон. Характерно высказывание митрополита Антония (Храповицкого), писавшего митрополиту Евлогию (Георгиевскому) 25 августа 1927 г.: «Вам хорошо известно, как глубоко и искренно чтю я Святейшие Престолы Восточных Патриархов. Но сейчас не без опаски взираю на лиц, занимающих Вселенский и Александрийский Престолы...»⁵¹.

Наивно полагать, что в эти годы Константинопольский патриархат, жертвуя своими собственными интересами, думал о пользе всей Православной Церкви. Скорее наоборот, несложно убедиться, что действия Фанара были направлены исключительно на собственное выживание и выход из того тупика, в который он был заведен слепым греческим национализмом и бездумным политиканством. Родившаяся в эти годы теория о всеправославном лидерстве Константинопольского патриарха имеет под собой совсем не богословские основания, поэтому воспринимать ее сейчас как объект для богословских дискуссий — означает признавать ее правомочность и, как следствие, покрывать все то лукавство, которым сопровождалось ее обоснование и продвижение. Нужно вновь и вновь указывать на неправильность самой постановки вопроса о «первенстве» в Православной Церкви и на несостоятельность той аргументации, которую разрабатывали богословы Константинопольского патриархата на протяжении всего XX в. Также не стоит забывать и о внешних факторах, оказывавших влияние на развитие этого вопроса в современном православном богословии, роль которых только уси-

⁵⁰ *Miller W. The Changing Role of the Orthodox Church // Foreign Affairs. 1930. Vol. 8. 2. P. 278.*

⁵¹ Цит. по: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1960. Т. 7. С. 181. Подробнее о позиции митр. Антония см.: *Кострюков А. А.* К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской патриархией в 1920–1924 годах // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2011. Вып. 6(43). С. 58–69.

лилась с началом нового геополитического противостояния в период Холодной войны. Всему этому мы посвятим свои следующие публикации.

Ключевые слова: Константинопольский патриархат, Фанар, Турция, центр Православной Церкви, первенство, лидерство, всеправославные инициативы, Мелетий Метаксакис, Венизелос, Лозаннская мирная конференция, споры о первенстве, греческий национализм, политика.

THE PRIMACY OF THE PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE: THE ORIGIN OF THE THEORY

P. ERMILOV

This article is the first in a series of publications dealing with the problem of wider leadership in the Orthodox Church. The opposing positions of the Russian Orthodox Church and the Church of Constantinople in this regard have emerged during animated discussions. This divergence begs for a reassessment of already existing models of leadership, which obviously cannot serve as a basis for the agreement, and for a search to discover new approaches. The author studies the way in which the Patriarchate of Constantinople succeeded in theorizing the idea of a universal primacy and the concept's theological foundations. The author opines that contemporary scholars do not thoroughly assess the significance of the historical evolution of the doctrine. Neither do they give sufficient thought to a careful study of the process surrounding the debates on the primacy. Careful study of both these issues would explain current contradictions and offer a way of solving the contemporary crisis. The article highlights those factors which influenced the Patriarchate of Constantinople during the nineteen-twenties of the last century to significantly alter its ecclesiastical politics. Sources indicate that Constantinople was swayed by the Greek national political program and that many of its actions were not determined exclusively by ecclesiastical concerns. Theorizing the position of Constantinople as the center of world-wide Orthodoxy during these years stemmed from the strategy of preserving the headquarters of the Patriarchate on Turkish soil. The theory of the primacy in the Orthodox Church likewise served as a way to increase the canonical territory of the Patriarchate, not least since the Patriarchate had lost significant funding for its continued existence.

Keywords: Patriarchate of Constantinople, Phanar, Turkey, Center of the Orthodox Church, Primacy, Leadership, Pan-Orthodox Initiatives, Meletios Metaxakis, Venizelos, Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, Debates on the Primacy, Greek Nationalism, Politics

Список литературы

1. *Alexandris A.* The Expulsion of Constantine VI: The Ecumenical Patriarchate and Greek-Turkish Relations, 1924–1925 // *Balkan Studies*. 1981. Vol. 22. 2. P. 333–363.
2. *D'Herbigny M.* Anglicans et «orthodoxes» // *Études*. 1921. T. 168. P. 415–425.
3. *DeVillie A.* Orthodoxy, Catholicism, and Primacy: A Plea for a New Common Approach // *Ecumenical Trends*. 2008. Vol. 37. 4. P. 5–7.
4. *Douglas J. A.* The Ecumenical Patriarchate // *Christian East*. 1923. Vol. 4. 4. P. 188–191.
5. *Geffert B.* Anglican Orders and Orthodox Politics // *Journal of Ecclesiastical History*. 2006. Vol. 57. 2. P. 270–300.
6. *Ἐπιδόφορος, μητρ.* Primus sine paribus: Ἀπάντησις εἰς τὸ περὶ πρωτείου κείμενον τοῦ Πατριαρχείου Μόσχας // <http://www.ec-patr.org/arxeio/elp2014-01-gr.pdf> (дата обращения: 18. 12. 13).
7. *Janin R.* La destinée du patriarcat œcuménique // *Échos d'Orient*. 1925. T. 24. N. 138. P. 202–211.
8. *Lacombe J.* La récente evolution des Églises orthodoxes (1914–1934) // *Échos d'Orient*. 1935. T. 34. P. 71–83; 167–178.
9. Lausanne Conference on Near Eastern Affairs (1922–1923). Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. L., 1923.
10. Le Patriarcat œcuménique vu d'Égypte // *Échos d'Orient*. 1925. T. 24. P. 40–55.
11. *Mews S.* Anglican Intervention in the Election of an Orthodox Patriarch, 1925–1926 // *The Orthodox Churches and the West* / D. Baker, ed. Oxford, 1976. P. 293–306.
12. *Miller W.* The Changing Role of the Orthodox Church // *Foreign Affairs*. 1930. Vol. 8. 2. P. 274–281.
13. *Nanakis A.* Venizelos and Church-State Relations // *Eleftherios Venizelos: The Trials of Statesmanship* / P. Kitromilides, ed. Edinburgh, 2006. P. 346–373.
14. *Psomiades H.* The Ecumenical Patriarchate Under the Turkish Republic: The First Ten Years // *Balkan Studies*. 1961. Vol. 2. 1. P. 47–70.
15. *Rustem Bey A.* The Future of the Ecumenical Patriarchate // *Foreign Affairs*. 1925. Vol. 3. P. 604–610.
16. The Present Danger to the Ecumenical Patriarchate // *Christian East*. 1925. Vol. 6. 2. P. 78–83.
17. *Μαμάλος Γ.–Σ.* Το πατριαρχείο Κωνσταντινουπόλεως στο επίκεντρο διεθνών ανακατατάξεων (1918–1972). Εξωτερική πολιτική και οικουμενικός προσανατολισμός. Διατριβή επι διδακτορία. Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2009.
18. Ο Γέρον Χαλκηδόνης κατά του Πατριαρχείου Μόσχας // <http://www.romfea.gr/oikoumeniko-patriarxeio/oikoumeniko-patriarxeio/20060-2013-11-02-08-12-11> (дата обращения: 18. 12. 13).
19. Τό αρχείον του εθνομάρτυρος Σμύρνης Χρυσόστομου / Α. Αλεξανδρής. Τ. 3: Αθήνα, 2000. Σ. 188–189.
20. *Χριστοφόρου, μητρ.* Ἡ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ θέσις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάντανος. 1924. Τ. ΙΣΤ. Ἀριθ. 39 (27 Σεπτ.); Ἀριθ. 40 (4 Ὀκτ.); Ἀριθ. 41 (11 Ὀκτ.).
21. *Кострюков А. А.* К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской патриархией в 1920–1924 годах // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2011. Вып. 6(43). С. 58–69.
22. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1960. Т. 7.
23. Православная Церковь в Турции // *Вера и жизнь*. Харбин, 1925. № 4. С. 84–86.